

С.И. Кауфман

**ОДНА
ЖИЗНЬ –
ДВЕ
СУДЬБЫ**

МОСКВА
«Международные отношения»

УДК [792.54+355.402](47+57)(092)(093.3)Кауфман С.И.
ББК 85.335.423(2)6-86Кауфман С.И.ю14+68.23-2д(2)Кауфман С.И.ю14
К30

Кауфман С.И.

К30 Одна жизнь — две судьбы / С.И. Кауфман. — М.: Между-
народные отношения, 2019. — 224 с.; ил. — (Секретные миссии).

ISBN 978-5-7133-1621-1

Книга этого человека с незаурядной биографией выходит за рамки привычных для читателя мемуаров. С.И. Кауфман проработал в Большом театре СССР тридцать пять лет, включая учёбу в Московском хореографическом училище. Прошёл путь от солиста балета до заместителя генерального директора — художественного руководителя Большого театра СССР. Казалось бы, сложившаяся артистическая карьера: служение любимому Театру (только с заглавной буквы!), участие в замечательных спектаклях с талантливыми артистами, гастроль по всему свету, овации... Однако параллельно с работой в театре он оказывал содействие КГБ СССР по линии внешней разведки и контрразведки, выполняя ответственные задания на Родине и за рубежом. Автор искренне и доверительно рассказывает о своей работе — как в Большом театре СССР, так и о закрытой для посторонних глаз другой сфере своей деятельности. Откровенно повествует о двух своих судьбоносных решениях, которые он принял в жизни и о которых никогда не пожалел.

Книга предназначена для широкого круга читателей, которым будет интересно вспомнить великие имена артистов уходящего времени, а также попытаться понять сложные судьбы людей советского прошлого. И главное: осознать, что человек сам выбирает для себя принципы, которым остаётся верен всю свою жизнь.

УДК [792.54+355.402](47+57)(092)(093.3)Кауфман С.И.
ББК 85.335.423(2)6-86Кауфман С.И.ю14+68.23-2д(2)Кауфман С.И.ю14

© Кауфман С.И., 2019
© Подготовка к изданию, оформление.
ООО «Издательство “Международные отношения”», 2019

ISBN 978-5-7133-1621-1

Оглавление

От автора	7
Преданность искусству	11
Все мы родом из детства	18
Освоение профессии	22
Путёвка в жизнь (<i>Большой Балет</i>)	33
Первые гастроли в Лондоне	38
Щельково	45
Право на защиту Отечества (<i>Я выбираю...</i>)	53
Культурная революция (<i>Оттепель, 60–70-е годы</i>)	63
Эпоха Юрия Григоровича	68
«Праздник, который всегда с тобой»	89
Теория и практика	95
Прощание с романтикой	105
Жена, Мать, Друг и Помощник	109
Моё открытие Америки	112
Нью-Йорк-1979	122
Лирические отступления	132
Балерина на все времена (<i>Майя Михайловна Плисецкая</i>)	133
Излучавшая любовь (<i>Раиса Степановна Стручкова</i>)	136
Живые легенды (<i>Екатерина Максимова и Владимир Васильев</i>) ..	141
Многогранный талант (<i>Иракий Андроников</i>)	154
Михаил Козаков	159
Друзья по жизни (<i>Ирина Анисимова-Вульф,</i> <i>Фаина Раневская и Алёша Щеглов</i>)	160
Манера, стиль и вдохновение (<i>Елена Чайковская</i>)	167
Размышления вслух (<i>Большой театр, 60–80-е годы</i>)	171
Негасимые звёзды	176
Жизнь продолжается (<i>Госконцерт СССР</i>)	180
Возвращение в Большой (<i>1998 год</i>)	186
Изгнание	192
Судьбою я своей доволен	203
Эмоции выплёскивал в стихах... ..	208

От автора

Казалось, что СССР будет существовать вечно. Величайшая держава в мире, страна, где я родился, получил образование, профессию. Страна, посланником которой в составе одного из лучших творческих коллективов мира был и я, покоряла сценические площадки знаменитых театров на многих континентах.

Родился и рос я с теми идеалами, которые определялись понятиями: любовь к Родине, патриотизм, социализм, коммунизм. Это были не просто слова, мы в это свято верили.

Родившись за год до начала Великой Отечественной войны, мои сверстники впитали в себя всё трагическое и героическое с ней связанное. Люди в военной форме были для нас, большинства довоенных детей, идеалом. В доме, в котором я родился и вырос, жили первые Герои Советского Союза — покорители Севера. Все наши детские игры — это бесконечная игра в войну, и предпочтение отдавалось лётчикам. И это тоже не случайно. Наши Герои — лётчики-полярники, штурманы жили рядом. Мы гордились знакомством с ними.

Фильмы про войну были самыми любимыми и переносились с экрана в повседневную жизнь — игры в войну. Никто не хотел быть немцем, и приходилось при помощи считалочки на время становиться тем или другим.

Немецкие военнопленные рядом с нашим домом строили новый дом. Их привозили рано утром и увозили вечером. Вот на них мы и отыгрывались, заставляя за кусок хлеба неоднократно повторять: «Гитлер — капут». Фильм «Подвиг разведчика» смотрели не по одному разу и знали в нём каждую фразу.

«...Вы болван, Штютинг» не сходило с наших уст, если хотелось кого-либо обидеть.

Детство, отрочество, юность, зрелость — всё, как у всех или почти у всех.

Всё закончилось 19 августа 1991 года. Рухнуло величайшее в мире Государство. Рухнуло в одночасье. Рухнуло от рук тех,

кто его возглавлял, но не смог сохранить. Я отчётливо помню этот день, как и последовавшие за ним трагические дни беспорядка и хаоса, особенно на Лубянке. Толпы людей, многие из которых полупьяные или под воздействием наркотиков. Призывы снести памятник Ф.Э. Дзержинскому, мемориальную доску Ю.В. Андропова, откровенные призывы брать штурмом здание КГБ.

Всё происходило без вмешательства милиции, которой было предостаточно. На вопрос, почему они бездействуют, ответ следовал один. Дана команда не вмешиваться. Друзья из Дома 2 (здание КГБ СССР) рекомендуют покинуть площадь, так как возможен штурм. Уйти не могу. Я должен увидеть собственными глазами чѐм это кончится. И — увидел! Толпа под руководством танкиста (многие помнят выступление Б.Н. Ельцина, стоящего на танке перед Белым домом), ставшего в одночасье знаменитостью, набрасывала петлю на памятник и сбрасывала его с пьедестала. Варварству нет предела. Не буду говорить о роли Ф.Э. Дзержинского в истории государства. С моей точки зрения, она неоспорима. Что бы ему ни приписывали те, кто сегодня пытается переписывать историю. Снесли один из лучших художественных памятников в Москве. Памятник, который должен вернуться на свое законное место.

Почему я взялся за эту рукопись?

Сегодня, с высоты уже солидного возраста и будучи живым свидетелем, а в некоторых случаях и участником, происходящих в то время добрых и тревожных процессов, захотелось поделиться, а возможно, и самому посмотреть на ту прошлую жизнь глазами «среднестатистического» (без всякого лукавства) **советского гражданина**. Человека, на долю которого выпало быть не только артистом, но и иметь прямое отношение к делу безопасности нашей Родины. Сегодня в очередной раз делается попытка переписать историю нашей Страны, умалить её заслуги и спецслужбы в частности.

Мне показалось, что записки человека, не обременѐнного формальной принадлежностью к спецслужбам, человека без погон, фактически отдавшего этой службе более двадцати лет жизни, могут быть интересны читателю. Во всяком случае я постараюсь это сделать искренне и откровенно, насколько это позволит специфика моего участия в делах спецслужбы.

Это не исповедь, не покаяние — каяться мне не в чем.

«Защита Государства» — это не пафосное заявление, а реальная необходимость. И если тебе представилась возможность этим заниматься, то, с моей точки зрения, такое участие требует уважения. И если сегодня можно было бы вернуться в прошлое и опять получить такое предложение, я принял бы его не задумываясь.

Эта книга — моё посвящение друзьям-чекистам, сотрудникам внешней разведки и контрразведки. С ними меня на многие годы связала судьба, чем я искренне горжусь, и дружба, которой дорожу.

Всё, о чём сказано выше, было бы, скорее всего, невозможно, если бы не профессия, в которую я пришёл с раннего детства. Профессия артиста балета, более того — артиста Большого театра, как бы странно это ни звучало. Казалось бы, что общего?! Тем не менее в моей жизни эти две линии тесно переплелись, шли параллельно и стали судьбоносными.

Жизнь — одна, а судьбы — две. И обе мне очень дороги.

Вот этим мне и захотелось поделиться.

* * *

25 октября 2000 года я навсегда покинул стены Большого театра. Мне было 60 лет. Работал в должности заместителя генерального директора — художественного руководителя. Не скрою, уход был очень болезненным — и не по причине расставания с должностью, а из-за той, мягко говоря, бестактности и беспардонности, с какой это было сделано. В одночасье, в год 225-летия театра, было принято решение полностью сменить руководство, во главе которого стоял Владимир Васильев. Театр возглавила питерская команда. Умные, современно мыслящие, театрально-грамотные люди в Москве перевелись.

Настроение было подавленное, да и надо было элементарно искать работу. Хотя, как вы догадываетесь, в этом возрасте найти работу достаточно сложно. О государственной службе и думать было нечего.

В один из таких дней встретил бывшего артиста балета нашего театра. Разговорились. Обсудили известные события, и в контексте беседы он мне сказал, что нечего зализывать раны, садись и пиши воспоминания. Мы прожили в театре один из самых ярких периодов его жизни. Тебе наверняка есть что вспомнить. Я начал ему возражать, что, дескать, я не народный, даже

не заслуженный. Кому будет интересно читать воспоминания одного из многих солистов Большого. Для этого необходимо иметь ИМЯ. Тем не менее он стал убеждать меня в обратном. На том и разошлись. Прошло время, и я стал ловить себя на том, что постоянно мысленно возвращаюсь к той встрече.

Прошло ещё какое-то время, и я решил, а почему бы и не попробовать. Действительно, моё поколение, как это принято сейчас говорить, поколение шестидесятников, застало эпоху ренессанса Большого театра. И не столь важно, какую ступеньку в его иерархии ты занимал. Важно попытаться отразить то время и тех людей, с которыми близко общался. Рассказать об этом периоде – взглянуть изнутри. Поделиться малоизвестными или совсем не известными сторонами жизни Театра. Поделиться дорогими для меня воспоминаниями о людях, с которыми в большей или меньшей степени посчастливилось дружить или просто общаться и которых я, наверняка, никогда бы не знал лично, если бы не работал в Большом. Именно Театр подарил мне эту редкую возможность общения. Моё поколение застало на сцене Театра артистов, чьи громкие имена до сих пор не перестают удивлять даже меня, проработавшего с ними всю сознательную жизнь. Заранее хочу предупредить. Я не ставил перед собой цели дать творческий анализ деятельности Театра того периода, как и не собираюсь анализировать работы моих коллег по цеху. Не ждите от меня жареных фактов или «клубнички». Этого не будет! Какие-то нюансы найдут своё отражение, но в целом хочу по-доброму и искренне рассказать о **Моём «Большом Балете»**, куда я пришёл, будучи учеником Московского хореографического училища и которому в общей сложности отдал тридцать пять лет жизни.

И, наконец, самое главное. Моя творческая жизнь тесно переплелась с оперативной работой по линии Комитета как дома, так и за рубежом, при этом хочу особо подчеркнуть: она не имела никакого отношения к театру. Многолетнее общение, дружба и советы друзей написать об этом сегодня подвигли меня к этому.

В связи с тем, что в этой книге использованы материалы из вышедшей восемь лет тому назад моей книги «Большой балет. Взгляд изнутри», позволю себе опубликовать предисловие, написанное к ней академиком Российской академии художеств, доктором искусствоведения, профессором, заслуженным деятелем искусств Российской Федерации В.В. Вансловым.

Преданность искусству

Ни в одной сфере искусства творцы его не оставили, пожалуй, так много воспоминаний, как в области театра. Это и не удивительно. Театр, подобно музыке, искусство сиюминутное. Сыгранный спектакль в абсолютной точности никогда уже больше не повторится, а через определённое время сходит со сцены. Остаются, да и то не всегда, рецензии, фотографии, а теперь иногда и видеозаписи. Но они не заменят живого спектакля с его неповторимой атмосферой, дыханием зрительного зала и непосредственной реакцией зрителей. Видимо, не случайно артисты и другие театральные деятели пишут воспоминания. В них, помимо прочего, раскрывается и облик самого мемуариста, как и характеризуются личности других творцов сценического зрелища, интерес к которым среди множества зрителей и поклонников всегда велик.

Есть немало воспоминаний, оставленных и деятелями балета. Ныне появилось ещё одно: книга артиста балета Семёна Иосифовича Кауфмана, двадцать лет танцевавшего на сцене Большого театра, а впоследствии несколько лет работавшего в нём на административной должности.

С.И. Кауфман был танцовщик характерного плана. При этом он являлся современником и соратником блистательного поколения артистов-шестидесятников, определивших необычайный взлёт балета Большого театра 1960–1970-х годов, составивший лучший период в отечественном хореографическом искусстве XX века. Это было поколение В. Васильева и Е. Максимовой, М. Лавровского и Н. Бессмертной, Ю. Владимирова и Н. Сорокиной, Н. Тимофеевой и В. Тихонова, С. Адырхаевой, Н. Фадеечева и многих других замечательных артистов. Принадлежа к этому поколению, Кауфман жил с ними одной творческой жизнью, исповедовал одну эстетику, переживал те же общественные и художественные коллизии. Поэтому он их хорошо знает и много, верно, тепло о них пишет.

Я видел Кауфмана на сцене в ролях Молодого цыгана в «Каменном цветке», Данилы в «Коньке-горбунке», Оруженосца в «Жизели», Испанской куклы в «Щелкунчике», также в ансамблевых танцах: испанском, неаполитанском, венгерском в «Лебедином озере», Фанданго и Болеро в «Дон Кихоте», друзей Меркуцио в «Ромео и Джульетте». При этом всегда вспоминались слова великого русского актёра Щепкина, которые часто любил повторять К. Станиславский. Слова о том, что нет маленьких ролей, а есть маленькие артисты. Все свои роли Кауфман танцевал с полной самоотдачей и подлинным профессионализмом, полученным им в Московском хореографическом училище. Он всегда был эмоционально наполнен и безупречно точен в исполнении хореографического рисунка характерных танцев. У кинематографистов есть специальные премии за исполнение ролей второго плана. Если бы такая премия существовала в балете, её следовало бы присудить в числе других С. Кауфману.

Его мемуары о Большом театре имеют подзаголовок «взгляд изнутри». Именно как член коллектива Кауфман знал и видел много такого, что неизвестно людям извне. Поэтому читатели найдут в этой книге ряд интересных деталей внутренней жизни Большого театра, штрихи к портретам артистов, рассказы о гастролях, событиях, радостных и горестных, театральной жизни. Но пусть читатель не ждёт здесь «клубнички», сенсаций или компромата на знаменитых людей. Кауфману чужды те мемуаристы, которые используют страницы воспоминаний для сведения личных счётов, раздувания своих собственных достоинств или сенсационных псевдооткрытий.

Он пишет с теплотой и любовью о М. Плисецкой и Р. Стручковой, о В. Васильеве и Е. Максимовой, о М. Лавровском и Н. Бессмертной, о своих друзьях по балетному цеху, отдавая должное их заслугам, восхищаясь их талантами. Он отбрасывает всё личное и второстепенное, трения и недоразумения, которые, конечно же, всегда бывают, и сосредотачивает внимание на положительном, на том, что остаётся в памяти в качестве счастливых страниц жизни. Поэтому воспоминания его имеют добрый и светлый характер.

Помимо балетных деятелей, Кауфман рассказывает также о выдающихся талантах из других областей, с которыми ему довелось и посчастливилось быть знакомым: о замечательном режиссёре И.С. Анисимовой-Вульф, о гениальной Ф.Г. Ранев-

ской, о неповторимом И.Л. Андроникове. Его воспоминания не претендуют на полные портреты людей, о которых он пишет, но содержат детали, штрихи, отдельные наблюдения, которые могут быть интересны и будут дополнять представления об их творческом облике.

Взгляд изнутри театрального коллектива имеет свои преимущества. Но более общие планы нередко лучше видны извне. Поэтому хотелось бы дополнить некоторые разделы книги своими соображениями, что я делаю с согласия автора воспоминаний. Хотя этим, вероятно, и нарушена чистота жанра предисловия, но представление о написанном в книге, возможно, станет полнее.

Отчасти это относится к главе о Ю.Н. Григоровиче, который был лидером развития всего хореографического искусства описываемого периода. Кауфман совершенно справедливо называет его великим русским балетмейстером, а главу о нём — «Эпоха Юрия Григоровича». Творчество Григоровича действительно составило эпоху в жизни Большого театра, а с моей точки зрения, и в развитии отечественного и мирового хореографического искусства. Всё, что написано Кауфманом о Григоровиче и его работе в Большом театре, верно, справедливо и содержит ряд новых и интересных деталей. Автор воздерживается от анализа самих творческих достижений мастера, отсылая к работам балетоведов, и это, конечно, его право. Но он ограничился только перечислением спектаклей Григоровича после «Спартака», относящихся к тому периоду, когда работал в театре (до 1980 года). Григорович и после этого поставил в Большом театре «Золотой век», «Раймонду», «Баядерку», «Корсар», «Дон Кихот», «Жизель». Мне хотелось бы особое внимание обратить на его постановки классики, основанные на определённой и оправдавшей себя эстетической программе, что особенно важным кажется мне в наше время, когда в моду входят постановки «классики дыбом» или, наоборот, стилизованные псевдореставрации первоисточников.

Хочу сказать также несколько слов о творческой фигуре Владимира Васильева. Кауфман пишет о нём верно и хорошо, в полной мере отдавая дань его таланту и выдающимся достоинствам.

Васильев действительно был гениальный танцовщик, и его справедливо в прессе многих стран называли в те годы лучшим танцовщиком мира.

Поскольку я пишу здесь о книге воспоминаний, то пусть простят меня читатели, но мне и самому захотелось сделать небольшое отступление мемуарного характера, чтобы затем было понятнее отношение к заключительному разделу книги Кауфмана.

В 1960 году я однажды пришёл в Большой театр на спектакль «Золушка» в постановке Р. Захарова, который прекрасно знал со дня его премьеры в 1945 году, но надо было кое-что уточнить в хореографии, и потому посетил его вновь. В программке прочитал, что Принца танцует какой-то неизвестный мне В. Васильев — новое имя, оставившее меня по полному незнанию равнодушным. Но когда Принц вылетел из-за кулис и беззаботно прыгнул в кресло, я уже от одного этого первого его появления на сцене обомлел и далее не отводил от него глаз, забыв о том, зачем пришёл в театр. Откуда появилось это чудо? Ушёл из театра под сильным, незабываемым впечатлением от танца Васильева.

И далее стал ходить в театр специально «на Васильева». Видел его во всех ролях. Данила в «Каменном цветке», Иванушка в «Коньке-горбунке», Меджнун в «Лейли и Меджнун», Принц в «Щелкунчике», Спартак в одноимённом балете и далее много других танцевальных партий — всё это было неподражаемо прекрасно.

О танце Васильева немало написано. Характеризуя техническую сторону его исполнения, можно сказать, что у него была совершенная классическая школа, отточенное мастерство. При этом высокий прыжок с точным приземлением в нужную позицию, удивительный баллон, мягкое плие, стремительное вращение, великолепная фиксация поз, безупречная устойчивость. Всё это так, но, конечно, ещё совершенно недостаточно для определения его индивидуальности, ибо может быть и у других танцовщиков высокого класса. Танец Васильева был полётен, лёгок, свободен. Артист музыкален, его па пластичны и певучи. Азартность исполнения никогда не переходила в грубость. Танцевал он эмоционально наполненно, с пониманием смысла образа и драматургии балета. Всё сказанное в совокупности, в комплексе уже характеризует искусство Васильева. Но особое внимание хочу обратить на то, что меня более всего поражало.

В танце Васильева было какое-то обаяние. Что такое обаяние, словами обычной речи выразить невозможно. Его можно

передать только искусством — поэзией, музыкой, живописью. Бывает у человека обаяние в выражении лица, в манере речи, в характере общения с другими людьми, наконец, во всём его облике. Но существует также обаяние движения, пластики, танца. Оно свойственно немногим артистам, но Васильеву было присуще в высшей степени.

С годами оно меркнет и исчезает, но в период молодости и расцвета словно окутывает всё. При этом обаяние индивидуально, у разных людей, артистов оно разное. Мне всегда казалось, что вокруг танца Васильева существует особая аура, происходит какое-то свечение, словно излучаются потоки добра и красоты. И тогда совершенно забывалась некоторая неклассичность его фигуры, и зритель целиком попадал во власть чарующего танцевального образа.

Я видел потом на сцене и в видеозаписях М. Барышникова, в записях Р. Нуриева, на сцене и в видео В. Малахова. Каждый из них обладал своими выдающимися достоинствами, но никто из них не затмил в моём восприятии молодого Васильева. Были в его пути и менее удачные выступления, и неудачи, но в подлинно вдохновенных выходах на сцену он был великолепен. Я боготворил Васильева-артиста и, хотя у меня с ним было только так называемое шапочное знакомство, никогда не стремился к нему приблизиться, памятуя слова Гюстава Флобера о том, что не следует прикасаться к идолам, позолота останется у вас на руках.

Естественно, что я очень тяжело переживал разрыв Васильева с Григоровичем. Кауфман об этом разрыве ничего не пишет, хотя, конечно, знает о нём. Не буду касаться этой деликатной темы и я.

Печальное событие, увольнение из театра на рубеже 1980—1990-х годов всего ведущего поколения, составившего славу его предшествующего периода, обусловлено очень сложным клубком противоречий, взаимоотношений, психологических комплексов и взаимных обид. Кауфман прав, что не углубляется в своих воспоминаниях в разбор всего этого, что может быть освещено, видимо, только в художественной форме романа. Но он выделяет решающую причину данного сложного события — необходимость смены поколений, совершенно неизбежную в искусстве балета, ограниченную физическими возможностями исполнителей, их возрастом. Среди лидеров этого поколения была уволена и жена Григоровича Н.И. Бессмерт-